

ПАМЯТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ IN MEMORIAM

В. В. Севостьянов-Бриксов*

КОНСТИТУЦИОННО-ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ИМУЩЕСТВЕННЫЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ О. Е. КУТАФИНА 1979 г. «ПЛАНОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ»

***Аннотация.** Предлагается сформировать конституционно-цивилистические основы общеправовой теории организационных и имущественных отношений. О. Е. Кутафин является предвестником формирования таких основ. Организационные и имущественные отношения увязаны в одну бинарную парадигму. Имманентными (неотчуждаемыми) правами по своей природе являются только определенные субъективные организационные права (право на судебную защиту и т.д.). Наличие в ряде организационных отношений субъективных неотчуждаемых прав еще раз подчеркивает, что в рамках универсальной бинарной парадигмы «организационное — имущественное» имущественные отношения являются своеобразным специальным онтологическим продолжением организационных отношений. Организационность и имущественность необходимо принять в качестве двух противоположных функциональных проявлений организованности как сущностной характеристики общественных отношений. Две эти ипостаси не нарушают целостного единства, поскольку их различие не переходит в отрицание сущности любого из общественных отношений. Имущественность как явление специального порядка преодолевает проявление организационности как явления общего характера. При этом имущественность выступает правовой характеристикой определенных субъективных прав, обязанностей, отношений, как и организационность, публичность и т.д. Определение имущественного отношения как отношения по поводу материального, физического объекта имеет не корневое, сущностное, а исключительно вводно-предваряющее значение. Отчуждаемость субъективных прав бывает двух видов: 1) изъятивноспособность (способность быть*

© Севостьянов-Бриксов В. В., 2019

* Севостьянов-Бриксов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, юрисконсульт I категории — помощник ректора по правовым вопросам Братского государственного университета vsevastianov7@gmail.ru
665709, Россия, Иркутская обл., г. Братск, ул. Макаренко, д. 40

отчужденным кому-то другому принудительно, без усмотрения, согласия на то самого правообладателя); 2) оборотоспособность (способность быть отчужденным кому-то другому по усмотрению правообладателя). Наличие оборотоспособного субъективного права и (или) обязанности хотя бы у одного из участников отношения свидетельствует, что данное общественное отношение является имущественным, а не организационным. Все остальные признаки имущественного отношения (возмездный характер и т.п.) носят вспомогательный характер и не играют атрибутивной роли при квалификации отношения в качестве имущественного.

Ключевые слова: О. Е. Кутафин, докторская диссертация «Плановая деятельность Советского государства: государственно-правовой аспект», организационные и имущественные отношения, отчуждаемость, изъятичность, оборотоспособность.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.009-022

Посвящается светлой памяти моего наставника,
научного консультанта и руководителя,
академика РАН О. Е. Кутафина

Введение. Сложно назвать юридическую тему, по которой бы отсутствовали и поныне актуальные высказывания академика О. Е. Кутафина. Одна из вершин его научной мысли, вне сомнения, докторская диссертация 1979 г. «Плановая деятельность Советского государства: государственно-правовой аспект», содержащая целые россыпи научного жемчуга самого лучшего качества, сохраняющая теоретическую и методологическую актуальность и практическую значимость, генерирующая новые открытия, в том числе и в плане общеправовой теории организационных и имущественных отношений и их конституционно-цивилистических основ, а также практики совершенствования особенностей правового регулирования этих отношений.

1. О. Е. Кутафин наиболее плодотворно и развернуто раскрыл вопрос наличия организационных отношений в конституционном (государственном) праве, полномасштабно исследуя планово-организационные отношения.

Теория организационных отношений в науке конституционного (государственного) права и конституционно-правовая практика функционирования организационных отношений, к сожалению, далеко не всегда и далеко не во всем идут рука об руку.

Конституционно-правовая практика функционирования организационных отношений в любой из периодов (имперский, советский и современный) весьма обширна. Можно утверждать, что большинство общественных отношений, входящих в предмет конституцион-

ного права и подпадающих под регламентацию норм конкретно-правового регулирования, носят организационный характер. В пределы конституционно-правового регулирования входят многочисленные и разноплановые организационные отношения: это и отношения государственного устройства, отношения по изменению в составе государства (образование нового субъекта, присоединение, преобразование и т.д.), и отношения по изменению границ государства и входящих в него публичных образований, и отношения закрепления и изменения формы государственного правления, отношения по образованию целого ряда конституционно значимых органов публичной власти, и немалое число компетенционных отношений, включая отношения по разграничению прав публичной собственности, и отношения по передвижению граждан, и отношения по проведению публичных мероприятий, и отношения по судебной защите нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов, и отношения по созданию и деятельности политических партий и иных общественных объединений, и конституционно-контрольные и конституционно-надзорные отношения, референдарные и избирательные отношения и многие другие организационные отношения. В целом важно добавить, если не все, то подавляющее большинство политических, экологических, культурных прав и отношений, вне всякого сомнения, относятся к числу организационных.

В советский период целый ряд государствоведов обращался к теме организационных от-

ношений в конституционном (государственном) праве.

В частности, В. Ф. Коток писал: «Даже те, кто считает, что предмет государственного (конституционного) права составляют лишь отношения, возникающие в процессе деятельности представительных органов государственной власти, не могут отрицать и за другими государственными органами свойств субъектов государственного права. Представительные органы создают другие органы государства, наделяют их полномочиями и осуществляют контроль за их работой. **Организационно-правовые отношения** (выделено нами. — В. С.-Б.), возникающие, например, между областным Советом депутатов трудящихся и областным судом в связи с подотчетностью суда Совету, являются в СССР конституционно-правовыми отношениями. Аналогичный характер носят отношения между местным Советом и подконтрольным ему исполкомом — обе стороны являются субъектами конституционно-правовых отношений»¹.

Комплексное исследование государственно-правовых вопросов теории и практики организационных отношений провела в свое время Т. А. Рогова: «...**организационные отношения** (выделено нами. — В. С.-Б.) в советском строительстве — следствие осуществления организации, понимаемой и как определенная деятельность, и как результат деятельности, направленной на создание той или иной структурной целостности... К внутрисистемным относятся: 1) отношения между вышестоящими и нижестоящими Советами (и их органами), и также между Советами (и их органами) одного и того же уровня; 2) отношения внутри каждого Совета, в том числе — между Советом и его органами, между органами Совета (условно-внутриорганизационные отношения). К организационно-массовым отношениям... отнесены следующие виды отношений: 1) отношения между Советами и их органами, с одной стороны, и различными предприятиями, учреждениями, организациями, с другой стороны, складывающиеся в связи с осуществлением Советами

их задач и функций по руководству отраслями хозяйственного и социально-культурного строительства; 2) организационные отношения, связанные с использованием в работе Советов и их органов различных форм непосредственной демократии (отношения между Советами и их органами, с одной стороны, и гражданами, их собраниями, сходами, коллективами/организациями, с другой стороны); 3) организационные отношения, возникающие между Советами, массовыми общественными организациями, органами общественной самодеятельности населения и отдельными гражданами, в процессе участия трудящихся, их органов и организаций в работе Советов и их органов, в выполнении стоящих перечнями задач»².

И всё же вопрос об организационных отношениях в конституционном (государственном) праве во всей полноте поставил другой человек. На наш взгляд, если в советской цивилистике точкой сборки теории организационных отношений были подходы О. А. Красавчикова³, то в советской науке конституционного (государственного) права точкой сборки теории организационных отношений (через призму плано-организационных отношений) стали подходы О. Е. Кутафина.

Раскрывая понятие и круг плано-организационных отношений, О. Е. Кутафин указывал: «Помимо плановых органов нормативные акты, содержащие правовые нормы, посвященные вопросам планирования, принимаются и другими министерствами и ведомствами СССР, союзных и автономных республик. Они, как правило, связаны с решением отдельных вопросов планирования в рамках соответствующей отрасли управления. Правовые нормы, регулирующие общественные отношения, складывающиеся в сфере экономико-социального планирования, могут содержаться и в нормативных актах, издаваемых местными органами управления»⁴. Особо следует отметить его указание на «отношения, возникающие в процессе реализации задач и принципов плановой деятельности, порядка формирования основных направлений

¹ Подробнее см.: Коток В. Ф. Конституционно-правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. 1962. № 1. С. 41—52.

² Рогова Т. А. Формы и методы правового регулирования организационных отношений в советском строительстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. С. 6—8.

³ См., например: Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 45—56.

⁴ Кутафин О. Е. Плановая деятельность Советского государства: государственно-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979. С. 140.

планов, разработки, утверждения и доведения заданий планов до исполнителей, изменения планов и установления дополнительных заданий, контроля за реализацией планов, в процессе составления и утверждения отчетов об исполнении планов, а также отношения, связанные с системой планов, их содержанием, плановыми показателями и используемыми в планировании нормативами»⁵.

В постсоветское время ситуация в науке конституционного права и цивилистике резко изменилась в плане дальнейшей разработки и совершенствования теории организационных отношений. Если в науке гражданского права мы можем констатировать целый ряд интересных, целевых и в то же время многоплановых, хотя порой весьма полемических исследований⁶, то в науке конституционного права целевое обращение к теории организационных отношений стало редкостью.

В свете сказанного становится чуть более понятным следующее высказывание С. А. Авакьяна: понятие организационного отношения порой используется «в науках теории государства и права и конституционного права для характеристики общественных отношений, связанных с конституированием (формированием и внутренней организацией) и порядком (процессом, процедурами) деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»⁷. Однако все же весьма спорно такое усеченное, во многом необоснованно суженное понимание организационных отношений.

К сожалению, и при классификации конституционных правоотношений до сих пор не находят подобающего места, а иногда просто не выделяются организационные правоотношения⁸.

В то же время теория и практика организационных отношений со временем стала больше раскрываться при исследовании муниципально-правовых вопросов. В частности, К. А. Грин-

ченко исходит из того, что «...собственно муниципально-правовые отношения образуют преимущественно **организационные отношения** (выделено нами. — В. С.-Б.) (связанные с созданием, преобразованием и упразднением муниципальных образований, созданием и функционированием органов местного самоуправления, осуществлением форм непосредственной демократии на местном уровне, реализацией межмуниципального сотрудничества и некоторые другие), а также компетенционный блок, рассматриваемый в самом общем виде, без конкретизации полномочий органов местного самоуправления в различных сферах общественной жизни»⁹.

О. Е. Кутафин, находясь в конституционно-правовой плоскости исследования, уже в советское время подчеркивал, что, возникнув как правовая форма, опосредующая имущественные отношения, хозяйственный договор все более развивается в форму, опосредующую как **имущественные**, так и **планово-организационные отношения**¹⁰.

Другими словами, и в конституционном праве организационные отношения далеко выходят за рамки конституирования и порядка деятельности органов публичной власти: это и соответствующие договорные отношения, и отношения по проведению публичных мероприятий, и отношения, опосредующие свободу передвижения, и определенные корпоративные, интеллектуальные, земельные и многие другие организационные отношения, подпадающие так или иначе под действие конституционно-правового регулирования.

2. Подход О. Е. Кутафина является своеобразной предтечей правильной дифференциации общественных отношений на организационные и имущественные.

Сердцевиной любой отраслевой теории организационных отношений (конституцион-

⁵ Кутафин О. Е. Плановая деятельность советского государства. С. 140.

⁶ См., например: Кирсанов К. А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008 ; Подузова Е. Б. Организационный договор и его виды : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 ; Тюрина С. А. Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

⁷ Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015. С. 471.

⁸ См., например: Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения : учеб. пособие для вузов. М., 1997. С. 111—157.

⁹ Гринченко К. А. Источники муниципального права Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2016. С. 5—6.

¹⁰ Кутафин О. Е. Плановая деятельность Советского государства. С. 186.

но-правовой, цивилистической, финансово-правовой и т.д.), позволяющей ей полновесно развиваться и практически воплощаться в нормативный массив и правоприменительную практику, прежде всего судебную, является теоретически и методологически выверенное понятие общественного отношения как организационного и соответствующие отраслевые конкретные особенности квалификации организационных отношений, а это, в свою очередь, невозможно без разработки общеправовой теории организационных и противоположных им отношений: корень их различия увязан с корнем их общности.

О. А. Красавчиков предложил «определить организационные отношения как такие построенные на началах координации или субординации социальные связи, которые направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных, действий их участников либо на формирование социальных образований»¹¹.

При всех достоинствах данное определение страдает одним существенным недостатком. Теоретически и методологически правильно давать определение понятию организационного отношения в увязке с определением понятия того общественного отношения, которое противостоит организационному. Условно речь идет о неорганизационном отношении. Однако термин «неорганизационное отношение», впрочем, как и «неимущественное отношение», не несет в себе конструктивного, позитивного содержания, его информация сугубо негативна и создает длиннющий шлейф правовой неопределенности. Между тем позитивное содержание терминов противоположных общественных отношений создает устойчивые и ясные понятийно-смысловые рамки таких отношений.

О. А. Красавчиков не дает позитивное содержание термину того отношения, которое противоположно организационному отношению, не обозначает его; более того, он рассматривает гражданские организационно-правовые отношения как разновидность неимущественных отношений в гражданском праве¹², т.е. отношений, терминологически не имеющих позитивного содержания, что не может не сказываться на правовой определенности уже самих

гражданских организационно-правовых отношений. Обозначение общественных отношений в качестве «неорганизационных», «неимущественных» — не решение вопроса, а скорее отложение на будущее время или даже отказ его решать по существу.

И все это на фоне неоднократно повторяющихся ошибочных попыток в науке конституционного права чуть ли не отождествить понятия «организационное отношение» и «процессуальное отношение».

В частности, М. М. Султыгов выделяет два вида конституционно-правовых режимов. Во-первых, материальные конституционно-правовые режимы — это режимы, фиксирующие права и обязанности субъектов, их правовое положение, пределы правового регулирования и т.п. Например, правовое положение иностранцев: их права и обязанности составляют правовой режим. М. М. Султыгов различает национальный режим иностранцев, специальный режим иностранцев и подчеркивает, что в истории имел место привилегированный режим иностранцев. Во-вторых, процессуальные конституционно-правовые режимы — это режимы, которые отражают **организационные отношения** и носят сугубо организационно-процедурный, управленческий характер. Они всегда отражают особый порядок, формы и методы реализации норм материального права. В качестве примеров М. М. Султыгов приводит правовой режим рассмотрения дел Конституционным Судом РФ и правовой режим сецессии¹³.

Но дело как раз в том, что если не все, то подавляющее большинство общественных отношений, которые, выражаясь терминологией М. М. Султыгова, отражают материальные конституционно-правовые режимы, также относятся к разряду организационных отношений.

«На наш взгляд, — замечает Т. Я. Хабриева, — парламентское право может быть определено как особая система юридических принципов и норм, регулирующих внутреннее устройство парламента и связанные с ним **организационные отношения** (выделено нами. — В. С.-Б.), сам процесс парламентской деятельности, его взаимоотношения с другими органами государственной власти и избира-

¹¹ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения. С. 53.

¹² См. подробнее: Красавчиков О. А. Структура предмета гражданско-правового регулирования социальных общественных отношений // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. С. 40—44.

¹³ См. подробнее: Султыгов М. М. Конституционно-правовой режим ограничения государственной власти : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 79 и след.

тельным корпусом... В предмет парламентского права включаются две условно разграничиваемые группы общественных отношений. В рамках первой выявляется предназначение парламента, т.е. это прежде всего выстраивание отношений между парламентом как представительным и законодательным органом и народом — источником власти, а также отношений межинституционального характера, которые призваны определить место парламента в системе разделения властей. Вторая группа отношений, гораздо бóльшая по объему, — это организационные, процессуальные отношения — парламентские процедуры, парламентский процесс, т.е. тот круг отношений, которые можно было бы определить как собственно парламентские»¹⁴.

Здесь мы также сталкиваемся с ошибочным отождествлением организационных и процессуальных отношений. Необходимо четко разграничивать бинарные парадигмы «материальное — процессуальное» и «организационное — имущественное». Очевидно, что все процессуальные отношения являются одновременно и организационными. Однако и многие материальные отношения также имеют организационный характер. В частности, те же отношения, которые призваны определить место парламента в системе разделения властей, являются организационными.

Подобная проблема и с уяснением места и роли организационно-правовых норм, которые часто ошибочно отождествляют с процессуально-правовыми нормами. В частности, О. Е. Кутафин отмечает: «...далеко не все организационные нормы являются процессуальными. Например, содержащееся в ч. 2 ст. 95 Конституции РФ положение организационного характера о том, что в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Федерации: по одному от представительного и исполнительного органа государственной власти, носит материальный характер»¹⁵.

При этом организационность — это разновидность правовых характеристик определенных субъективных прав, обязанностей, общественных отношений, так же как и такие

характеристики, как имущественность, публичность и т.д.

В сходном, весьма незавидном положении на современном этапе в науке конституционного (государственного) права оказались не только организационные права и отношения, но и имущественные права и отношения. Дифференциация всех общественных отношений на имущественные и неимущественные, так же как на организационные и неорганизационные, в плане определения предмета конституционно-правового регулирования ставится под сомнение или даже отвергается, не говоря уже о том, что бинарная парадигма «организационное — имущественное» нередко даже не принимается во внимание. В качестве примера приведем весьма спорное высказывание С. В. Дорохина: «...подходы к определению предметов правового регулирования конституционного и гражданского права не имеют между собой практически ничего общего: в первом случае за основу берется принцип деления всех общественных отношений по их содержанию, во втором — более широкий экономический принцип деления общественных отношений. Очевидно, что одной из причин такого несовпадения подходов служит то обстоятельство, что конституционное право выступает регулятором не только неимущественных отношений, но и отношений, непосредственным объектом которых являются материальные ценности. В этих условиях применение принципа деления всех общественных отношений на имущественные и неимущественные в качестве критерия для определения предмета регулирования конституционного права является неприемлемым»¹⁶. Из указанного рассуждения так и остается непонятным, почему отношения, нормируемые конституционным правом РФ, не могут быть дифференцированы на имущественные и неимущественные, тем более что в дальнейшем доказывается наличие в предмете конституционного права ряда имущественных отношений¹⁷. То, что не только конституционное право РФ регулирует имущественные отношения, вовсе не означает, что наличие имущественных отношений в предмете

¹⁴ Хабриева Т. Я. Парламентское право в системе права Российской Федерации // Абрамова А. И., Витушкин В. А., Власенко Н. А. [и соавт.] Парламентское право России. М., 2013. С. 21, 24—25.

¹⁵ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 104.

¹⁶ Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М., 2006. С. 76—77.

¹⁷ Дорохин С. В. Указ. соч. С. 75—81.

конституционно-правового регулирования не должно учитываться в рамках системного подхода при разграничении конституционного права РФ и других отраслей отечественного права. К тому же определение субъективных прав, обязанностей и отношений в качестве социально-экономических (экономических) и имущественных строится по различным классификационным основаниям, имеющим разное содержательное наполнение, и обозначение прав и отношений в качестве социально-экономических (экономических) не замещает или не включает в себя их имущественную характеристику. То же самое и с организационной характеристикой субъективных прав, обязанностей и отношений.

Любое из направлений экономической деятельности всякого из частных или публичных лиц представляет собой функционирование экономических отношений, большинство которых могут быть охарактеризованы как имущественные, а соответствующие им субъективные экономические права — определены в качестве имущественных прав. Все остальные экономические права и отношения через призму бинарной парадигмы «организационное — имущественное» проявляются в качестве организационных. В этом плане понятны рассуждения О. Е. Кутафина, в свое время отмечавшего, что «самостоятельность союзных республик в решении вопросов плановой деятельности, входящих в их исключительное ведение, не носит и не может носить абсолютного характера, поскольку республиканские органы связаны **экономическими и планово-организационными отношениями** (выделено нами. — В. С.-Б.) с общесоюзными и союзно-республиканскими отраслями хозяйственного и социально-культурного строительства страны»¹⁸.

Мысль О. Е. Кутафина о том, что хозяйственный договор все более развивается в форму, опосредующую как имущественные, так и планово-организационные отношения, также подтверждает, что с точки зрения конституционно-цивилистических основ дифференциации общественных отношений (с учетом конституционно значимых функций конституционного права РФ и гражданского права РФ) неорганизационными отношениями, которые противо-

положны организационным отношениям, являются именно имущественные отношения. Даже в реалиях советского времени О. Е. Кутафин подчеркивал: «Соединение в одном договоре **имущественных и планово-организационных отношений** (выделено нами. — В. С.-Б.) является прямым следствием того, что в ряде случаев одна из его сторон является одновременно и органом, осуществляющим определенные плановые функции, и субъектом товарно-денежных отношений. Именно такой стороной выступают, например, управления промышленных объединений, соединяющие в своем лице функции хозяйствующего субъекта и одновременно органа управления, а также производственные объединения (комбинаты) и другие организации»¹⁹. Соответственно, дифференциация на организационные и имущественные соединяет в себе как внутриотраслевой, так межотраслевой аспект. Другими словами, бинарная парадигма «организационное — имущественное» носит объективный характер, так же как, к примеру, бинарные парадигмы «частное — публичное», «первичное — вторичное», «абсолютное — относительное», «материальное — процессуальное» и целый ряд других.

3. Подход О. Е. Кутафина является своеобразным предвестником выявления универсального критерия разграничения организационных и имущественных отношений.

Ссылаясь на мнение А. И. Лепешкина, О. Е. Кутафин замечает: «**Исключительные полномочия** Союза ССР и союзных республик в сфере экономическо-социального планирования, как и в других сферах, **характеризуются важной юридической особенностью: многие из них по своей сущности и назначению неотчуждаемы** (выделено нами. — В. С.-Б.)»²⁰. Добавляя к написанному: «Ряд исключительных полномочий Союза ССР в области экономическо-социального планирования не может быть в силу своего характера передан союзным республикам. Так, право Союза ССР утверждать государственные планы экономического и социального развития СССР или право утверждать отчеты об их исполнении не могут быть переданы союзным республикам. Аналогичные исключительные полномочия союзных республик также не могут быть переданы Союзу ССР. Они

¹⁸ Кутафин О. Е. Плановая деятельность Советского государства. С. 148.

¹⁹ Кутафин О. Е. Плановая деятельность Советского государства. С. 186.

²⁰ Кутафин О. Е. Плановая деятельность Советского государства. С. 200.

осуществляются только самими союзными республиками»²¹.

Подход О. Е. Кутафина натолкнул нас на мысль, что общественные отношения дифференцируются по бинарной парадигме «организационное — имущественное» в зависимости от определенных свойств субъективных прав и обязанностей участников таких отношений.

Нужно напомнить в этом плане и другое. Целым рядом исследователей акцентируется внимание на том, что юридическое понятие имущества связано именно с соответствующими субъективными правами. В частности, Ф. Регельсбергер понимал под имуществом «круг юридической власти известного лица на блага, имеющие денежную цену»²², а Р. Саватье в этом же плане указывал: «Практика убеждает в том, что реальные вещи выступают в юридической жизни только через посредство прав, которые осуществляются в отношении этих вещей... Всякое имущество состоит из прав, с той особенностью, что право собственности часто смешивается с той вещью, объектом которого она является. Вместо того, чтобы сказать: “У меня есть право собственности на это имущество”, говорят: “У меня есть это имущество”; сказать так проще и быстрее. Однако такое словоупотребление не должно создавать иллюзий... Имущество — это не реальное имущество, а имущественные права»²³. Стоит упомянуть и отмеченное Г. В. Усовым в плане европейской доктрины и законотворческой практики: «Переходя к европейской правовой доктрине, следует упомянуть о ст. 17 Хартии Европейского Союза об основных правах, которая прямо говорит об интеллектуальной собственности как составной части общего понятия собственности. Данное положение находит свое развитие и в законодательстве европейских стран. Так, австрийский Гражданский кодекс оперирует очень широким понятием вещи: “Все, что существует отдельно от лица и служит потребностям людей, считается вещью в юридическом смысле” (§ 285 ГК Австрии). Вещи в австрийском праве делятся на телесные и бестелесные (§ 292 ГК Австрии), причем обе эти категории могут быть объектом права собственности (§ 353 ГК Австрии). Права, в том числе авторские, отнесе-

ны к бестелесным вещам»²⁴. Другими словами, определение имущественного отношения как отношения по поводу здания, транспортного средства или иного материального, физического объекта имеет исключительно вводно-предваряющее значение, но никак не корневое, сущностное. Корень вопроса состоит в том, что имущественность нужно выявлять в определенных субъективных правах и обязанностях, которыми она присуща в качества особого свойства.

Важно и другое обстоятельство. С учетом как антропологического измерения права, так и системного подхода нужно сказать, что и субъективное право, и юридическая обязанность — это субъективная правомикросистема, то есть система связанных нравственно-правовых действий (потенциальных, реализующихся или/и уже реализованных либо хотя бы только потенциальных), имеющая общие, особенные и индивидуальные признаки. В этом состоит принципиальное сходство субъективного права и юридической обязанности. В этом смысле и правообладатели (управомоченные лица), и носители юридических обязанностей (обязанные лица) есть носители субъективных правомикросистем.

Следуя бинарной парадигме «организационное — имущественное», можно и нужно сказать, что в системе общественных отношений имущественные отношения есть естественное развитие организационных отношений. Организационное отношение представляет собой нравственно-правовое организованное единство участников такого отношения, символизирующее отсутствие возможности произвести по своему усмотрению отчуждение принадлежащих им субъективных прав и обязанностей. Организационные отношения ориентированы на осуществление участниками таких отношений своих прав и обязанностей, в том числе в целом ряде случаев на установление новых прав и обязанностей и порядка их осуществления. Имущественное же отношение является собой нравственно-правовое организованное единство участников такого отношения, символизирующее возможность хотя бы одного из участников такого отношения произвести отчуждение принадлежащего ему субъективного

²¹ Кутафин О. Е. Плановая деятельность Советского государства. С. 200—201.

²² Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., 1897. С. 240.

²³ Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. М., 1972. С. 53, 56.

²⁴ Усов Г. В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах (сравнительное правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 49.

права и/или обязанности. То есть имущественные отношения ориентированы не только на осуществление участниками таких отношений своих прав и обязанностей, но и на возможность, хотя бы для кого-то из них, распорядительного отчуждения субъективного права и/или обязанности.

Сущность общественных отношений двуединая: с одной стороны, организованность людей, а с другой стороны, целеустремленность действий людей удовлетворять свои потребности.

Такая сторона сущности общественных отношений, как организованность, достаточно часто проявляется в виде соответствующей функции — организационности, и тогда, соответственно, общественное отношение проявляется, функционирует как организационное. Это явление чаще всего показывает такие системные характеристики общественных отношений, как устойчивость и непрерывная упорядоченность.

Атрибутивным признаком организационного отношения (функционирования общественного отношения в качестве организационного) выступает то, что у всех его участников отсутствует возможность произвести по своему усмотрению отчуждение принадлежащих им субъективных прав и обязанностей. Другими словами, организационное отношение строится на том, что субъективные правомикросистемы его участников не оборотоспособны, ибо исключена возможность свободного отчуждения по бинарной парадигме «первоначальное — производное» любой из этих субъективных правомикросистем.

Организованность, понимаемая как сторона двуединой сущности общественных отношений, не сводится к организационности этих отношений уже как функционального явления и стремится функционально проявиться также и иным, особым образом.

Если есть устойчивость и непрерывная упорядоченность, значит, должны быть взаимно поддерживающие их изменяемость и дискретность социальной системы, в том числе и любого общественного отношения. Противоположным явлением относительно такого явления, как организационность, выступает имущественность, отражающая в первую очередь такие системные характеристики, как изменяемость и дискретность.

Итак, организационность и имущественность необходимо принять в качестве двух противоположных функциональных проявле-

ний организованности как сущностной характеристики общественных отношений. Две эти ипостаси не нарушают целостного единства, поскольку их различие не переходит в отрицание сущности любого из общественных отношений. Имущественность как явление специального порядка преодолевает проявление организационности как явления общего характера. Другими словами, сущность всех этих отношений едина — включает в себя в качестве одной из двух сторон организованность, однако последняя может проявляться по-разному, поэтому одни отношения функционируют как организационные, а другие — как имущественные.

Соответственно, атрибутивным признаком имущественного отношения (функционирования общественного отношения в качестве имущественного) выступает то, что хотя бы один из его участников вправе произвести по своему усмотрению отчуждение принадлежащей ему субъективной правомикросистемы. Все остальные признаки имущественного отношения (возмездный характер, гомогенный вариант имущественного отношения, характеристики вещи как обозначение пообъектных пределов действия субъективных прав и т.д.) носят вспомогательный характер и не играют атрибутивной роли при квалификации отношения в качестве имущественного.

Итак, вспомогательный признак не может восполнить собой атрибутивный признак. Однако в определенной степени и вспомогательные характеристики важны, особенно если речь идет о возмездности (арендная плата и т.д.). В этом плане все имущественные отношения можно подразделить на два вида: 1) атрибутивно-имущественные отношения (есть атрибутивный признак имущественного отношения, но отсутствуют любые сопутствующие признаки имущественного отношения) и 2) усиленно-имущественные отношения (присутствует и атрибутивный признак имущественного отношения, и возмездность и/или какой-то другой сопутствующий признак имущественного отношения). В связи с этим можно и нужно сказать, что выраженность имущественности немалого числа относительных имущественных отношений намного сильнее, чем даже у таких абсолютных имущественных отношений, как отношения собственности. В имущественных отношениях, как отношениях специальных, может быть как гомогенный вариант (все субъективные права и обязанности

оборотоспособны), так и гетерогенный вариант (есть как имущественные, так и организационные субъективные правомикросистемы). Очевидно, что абсолютные имущественные отношения всегда функционируют в гетерогенном ключе, а вот относительные имущественные отношения могут функционировать как в гомогенном, так и в гетерогенном ключе. Вместе с тем если, скажем, есть возмездное отношение, однако никто из его участников не имеет возможности по своему усмотрению произвести отчуждение своей субъективной правомикросистемы, то такое отношение функционирует в качестве не имущественного, а организационного, осложненного сопутствующим признаком имущественности.

Причем атрибутивно-имущественные отношения — это отношения функционально не «имущественно-организационные», а именно имущественные, ибо такой качественный показатель, как атрибутивность, однозначно подтверждает, что нет никакой равноценной двойственности отношений в характеристике по бинарной парадигме «организационное — имущественное».

Итак, с одной стороны (контекст «сущность — явление»), организационность и имущественность отношений выступают как два функциональных проявления организованности как одной и той же стороны двуединой сущности общественных отношений, а с другой стороны (контекст «общее — специальное»), имущественные отношения есть специальные отношения относительно организационных отношений как отношений общих. Понятийное противоречие преодолевается в антиномичном ключе. Воспользовавшись этим ключом, важно сказать следующее: имущественные отношения есть организационные отношения в плане сущности общественных отношений, но не в плане проявленной функции.

С позиции гносеологии проявленная функция общественного отношения всегда опирается на свою противоположность — непроявленную функцию. Последняя может привести к появлению организационных отношений, осложненных сопутствующим признаком имущественности: отношения по компенсации морального вреда, конфискационные отношения и др. Подчеркнем: организационное отношение, осложненное сопутствующим признаком имущественности, остается именно организационным, а не «имущественно-организационным» (неким гибридом).

То есть при выяснении того, является ли исследуемое общественное отношение имущественным, нужно последовательно разрешить две операционные задачи. Первая задача — выяснить, является ли исследуемое отношение нравственным по содержанию и правовым по форме или безнравственным по содержанию и противоправным по форме. Очевидно, скажем, что кабальные лжедоговорные отношения и возникшие на их основе отношения псевдособственности являются отношениями безнравственными по содержанию и противоправными по форме, а это значит, такие отношения являются не имущественными, а всего лишь псевдоимущественными.

Если при решении первой операционной задачи выяснено, что исследуемое отношение является нравственным по содержанию и правовым по форме, только тогда можно приступить к решению второй операционной задачи — выяснению того, каким является данное отношение в свете бинарной парадигмы «организационное — имущественное», организационным или напротив, имущественным. Например, конфискационные и национализационные отношения, имеющие нравственное содержание и правовую форму, по своему характеру в рамках бинарной парадигмы «организационное — имущественное» относятся к организационным отношениям. Даже частное лицо, чье имущество национализировано, не вправе уступить имеющееся у него право требования компенсации за национализированное имущество, поскольку национализационные отношения по бинарной парадигме «частное — публичное» являются публичными отношениями, а в отношении публичных отношений действует правило: «Все, что не разрешено, то запрещено». В настоящее время ни федеральное законодательство, ни международно-договорная практика РФ, по большому счету, не предусматривают возможности уступки права требования компенсации за национализированное имущество. Иначе говоря, не только конфискационные, но и национализационные отношения в нашей стране не являются имущественными отношениями, поскольку никто из их участников не имеет возможности произвести по своему усмотрению отчуждение принадлежащих им субъективных правомикросистем.

Любые общественные отношения, в том числе подразделяемые на частные и публичные, абсолютные и относительные, регуля-

тивные и охранительные, первоначальные и производные, первичные и вторичные, разграничиваются на организационные и имущественные.

Так, в разряд регулятивных организационных отношений должны быть отнесены трудовые отношения, а в разряд регулятивных имущественных отношений — отношения собственности. К числу охранительных организационных отношений относятся конфискационные отношения, а в число охранительных имущественных отношений входит большинство деликтных отношений, поскольку субъективное деликтное право (во всяком случае, подтвержденное в судебном порядке) может по общему правилу быть передано по усмотрению правообладателя другому лицу. В то же время отношения по компенсации морального и репутационного вреда, отношения по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью, должны быть причислены к разряду охранительных организационных отношений. В этом плане примечательно отмеченное И. А. Полуяхтовым: «Если в отношении права на возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью, ГК РФ устанавливает прямой запрет передачи (ст. 383), то в отношении вреда, причиненного имуществу, возможно иное решение. Представляется правильным разграничивать факт причинения вреда, сопряженный с определенными экономическими потерями и нередко связанный с прекращением субъективных прав, и обязательство возместить вред, выражающееся, как правило, в обязанности уплатить определенную денежную сумму. Само причинение вреда как неправомерное действие находится за рамками гражданского оборота. А вот право на получение определенного предоставления от причинителя вреда уже находится в плоскости правомерных требований и, соответственно, вписывается в конструкцию гражданского оборота. Этим правом можно распорядиться путем его уступки и т.п.»²⁵.

В этой связи необходимо более полно раскрыть вопрос об отчуждаемости и отчуждении субъективной правомикросистемы на примере субъективного права. Отчуждаемость субъективного права как юридическое свойство есть способность быть отчужденным кому-то другому. То есть акцентируем внимание, что это не просто свойство,

указывающее на возможность прекращения действия отчуждаемого субъективного права. Отчуждаемость неразрывно связана с бинарной парадигмой «первоначальное — производное». Отчуждение субъективного права означает, что данное право является первоначальным и оно, это первоначальное право, замещается другим субъективным правом — производным.

Таким образом, все субъективные права классифицируются на неотчуждаемые, т.е. имманентные (отсутствует свойство отчуждаемости) и отчуждаемые (присутствует свойство отчуждаемости).

Разграничение субъективных организационных и имущественных прав проходит не по линии наличия либо отсутствия отчуждаемости, хотя и связано с ней, поскольку субъективные организационные права, не относящиеся к неотчуждаемым, обладают свойством отчуждаемости в виде изъятивности. Ведь отчуждаемость субъективных прав бывает двух видов: 1) изъятивность (способность быть отчужденным кому-то другому принудительно, без усмотрения, согласия на то самого правообладателя); 2) оборотоспособность (способность быть отчужденным кому-то другому по усмотрению правообладателя).

Имманентными (неотчуждаемыми) правами по своей природе являются только определенные субъективные организационные права (право на судебную защиту и т.д.). Наличие в целом ряде организационных отношений субъективных неотчуждаемых прав лишний раз подчеркивает, что в рамках бинарной парадигмы «организационное — имущественное» имущественные отношения являются своеобразным специальным онтологическим продолжением организационных отношений.

Полнокровное различие субъективных организационных и имущественных прав проходит по линии наличия либо отсутствия оборотоспособности. Качественная особенность субъективных имущественных прав состоит в том, что они оборотоспособны в отличие от субъективных организационных прав.

Наличие оборотоспособности субъективных имущественных прав подразумевает по общему правилу и их изъятивность. Однако могут быть и исключения — например, запре-

²⁵ Полуяхтов И. А. Гражданский оборот имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 27.

ты, установленные ст. 446 ГК РФ. При этом изъятию способным может быть и целый ряд субъективных организационных прав.

Заключение. Можно констатировать, что подходы, изложенные О. Е. Кутафиным в его докторской диссертации 1979 г. «Плановая деятельность Советского государства: государственно-правовой аспект», являются прочной основой для формирования с учетом конституционно значимых функций конституционного права РФ и гражданского права РФ конституционно-цивилистических основ общеправовой теории организационных и имущественных отношений. Организационные и имущественные отношения увязаны в одну бинарную парадигму: имущественные отношения являются своеобразным специальным онтологическим продолжением организационных отношений.

Организационное отношение представляет собой нравственно-правовое организованное единство участников такого отношения, символизирующее отсутствие у них возможности произвести по своему усмотрению отчуждение принадлежащих им субъективных прав и обязанностей. Имущественное же отношение является собой нравственно-правовое организованное единство участников такого отношения, символизирующее возможность хотя бы одного из участников такого отношения произвести по своему усмотрению отчуждение принадлежащего ему субъективного права и/или обязанности. Говоря упрощенно, наличие оборотоспособного субъективного права и/или обязанности хотя бы у одного из участников отношения свидетельствует, что данное общественное отношение является имущественным, а не организационным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. — М. : Юстицинформ, 2015. — 640 с.
2. Гринченко К. А. Источники муниципального права Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Пенза, 2016. — 22 с.
3. Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 136 с.
4. Кирсанов К. А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — 189 с.
5. Коток В. Ф. Конституционно-правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. — 1962 — № 1. — С. 41—52.
6. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : Избранные труды : в 2 т. — М. : Статут, 2005. — Т. 1. — С. 45—56.
7. Красавчиков О. А. Структура предмета гражданского-правового регулирования социалистических общественных отношений // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : Избранные труды : в 2 т. — М. : Статут, 2005. — Т. 1. — С. 40—44.
8. Кутафин О. Е. Плановая деятельность Советского государства: государственно-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1979. — 430 с.
9. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. — М. : Юристъ, 2001. — 444 с.
10. Подузова Е. Б. Организационный договор и его виды : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 237 с.
11. Полуяхтов И. А. Гражданский оборот имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2002. — 183 с.
12. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / пер. И. А. Базанова ; под ред. Ю. С. Гамбарова. — М. : Тип. И. Д. Сытина, 1897. — 240 с.
13. Рогова Т. А. Формы и методы правового регулирования организационных отношений в советском строительстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1976. — 21 с.
14. Саватье Р. Теория обязательств : юридический и экономический очерк / пер. и вступ. ст. Р. О. Халфиной. — М. : Прогресс, 1972. — 440 с.
15. Султыгов М. М. Конституционно-правовой режим ограничения государственной власти : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2005. — 389 с.
16. Тюрина С. А. Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 213 с.

17. Усов Г. В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах (сравнительное правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 201 с.
18. Хабриева Т. Я. Парламентское право в системе права Российской Федерации // Парламентское право России / А. И. Абрамова, В. А. Витушкин, Н. А. Власенко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. — М. : Государственная Дума, 2013. — 400 с.

Материал поступил в редакцию 25 ноября 2018 г.

**CONSTITUTIONAL AND CIVILISTIC BASES
FOR PUBLIC RELATIONS DIFFERENTIATION INTO ORGANIZATIONAL
AND PROPERTY RELATIONS. REFLECTIONS ON THE MARGINS OF OLEG E. KUTAFIN
DOCTORAL DISSERTATION, 1979,
“PLANNED ACTIVITIES OF THE SOVIET STATE: A STATE-LEGAL ASPECT”**

SEVOSTYANOV-BRIKSOV Vladimir Viktorovich, PhD, Legal Adviser of the 1st category, Assistant Rector for Legal Affairs of the Bratsk State University
vsevastianov7@gmail.ru
665709, Russia, Irkutsk Region, Bratsk, ul. Makarenko, 40

Dedicated to the bright memory of Oleg E. Kutafin,
my Mentor, Scientific Advisor and Supervisor, RAS Academician

Abstract. *It is proposed to form the constitutional and civilistic foundations of the general legal theory of organizational and property relations. Oleg E. Kutafin was a forrunner of the formation of such foundations. Organizational and property relations are gathered into a uniform binary paradigm. Immanent (inalienable) rights by their nature include only certain legal organizational rights (the right to judicial protection, the right to relief in court, etc.). The presence of subjective inalienable rights in a number of organizational relations once again emphasizes that within the framework of the universal binary paradigm “the organizational — the property”, the property relations possess special ontological continuation of organizational relations. The organizational and property criteria should be taken as two opposite functional manifestations of organization as an essential characteristic of social relations. These two incarnations do not compromise the integrity because their difference does not go into the denial of the essence of any of the social relations. Property, as a phenomenon of a specific nature, overcomes the manifestation of the organization as a phenomenon of a general nature. However, property acts as a legal description of certain legal rights, responsibilities, relationships similar to organization, publicity, etc. The definition of the property relation as the relation regarding material, physical object has introductory-anticipatory value rather than root or essential one. Alienability of legal rights can be of two types: 1) ability to be withdrawn (the ability to be alienated to someone else by force, without discretion or right-holder’s consent); 2) transferability (the ability to be transferred to someone else at the discretion of the right-holder). A negotiable legal right and (or) obligation of at least one of the participants in the relationship indicates that this social relationship is a property relationship, not organizational one. All other signs of the property relation (compensatory nature, etc.) are auxiliary and do not play an attributive role in qualifying the relation as a property relation.*

Keywords: *Oleg E. Kutafin, Doctoral Dissertation “Planned Activities of the Soviet State: A Public and Legal Aspect”, organizational and property relations, alienability, withdrawability, transferability.*

REFERENCES

1. Avakyan S. A. Konstitutsionnyy leksikon : gosudarstvenno-pravovoy terminologicheskiy slovar [The constitutional lexicon : A state-legal terminology dictionary]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2015. 640 p. (In Russian)
2. Grinchenko K. A. Istochniki munitsipalnogo prava Rossiyskoy Federatsii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Sources of municipal law of the Russian Federation : Abstract of the PhD Thesis]. Penza, 2016. 22 p. (In Russian)
3. Dorokhin S. V. Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitutsionno-pravovoy aspekt [Division of the right to public and private: A Constitutional Law Aspect]. Moscow, Walters Kluver, 2006. 136 p. (In Russian)
4. Kirsanov K. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie organizatsionnykh otnosheniy : dis. ... kand. yurid. nauk [Civil law regulation of organizational relations : PhD Thesis]. Ekaterinburg, 2008. 189 p. (In Russian)
5. Kotok V. F. Konstitutsionno-pravovye otnosheniya v sotsialisticheskikh stranakh [Constitutional and legal relations in socialist countries]. *Pravovedenie*. 1962. No. 1. P. 41—52. (In Russian)
6. Krasavchokov O. A. Grazhdanskie organizatsionno-pravovye otnosheniya [Civil organizational and legal relations]. In Krasavchikov O. A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava : izbrannye trudy : v 2 t. [Categories of the science of civil law : Selected works : in 2 vols.]. Moscow, Statut Publ., 2005. Vol. 1. P. 45—56. (In Russian)
7. Krasavchokov O. A. Struktura predmeta grazhdansko-pravovogo regulirovaniya sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnosheniy [The structure of the subject of the civil law regulation of social relations] in Krasavchikov O. A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava : izbrannye trudy : v 2 t. [Categories of the science of civil law : Selected works : in 2 vols.]. Moscow, Statut Publ., 2005. Vol. 1. P. 40 — 44. (In Russian)
8. Kutafin O. E. Planovaya deyatel'nost' sovetskogo gosudarstva: gosudarstvenno-pravovoy aspekt : dis. ... d-ra yurid. nauk. [Planned Activities of the Soviet State: A State-Legal Aspect: Doctoral Dissertation]. Moscow, 1979. 430 p. (In Russian)
9. Kutafin O. E. Predmet konstitutsionnogo prava [The Subject of Constitutional Law]. Moscow, Yurist, 2001. 444 p. (In Russian)
10. Poduzova E. B. Organizatsionnyy dogovor i ego vidy : dis. ... kand. yurid. nauk [An Organizational Agreement and its Types : Doctoral Dissertation]. Moscow, 2012. 237 p. (In Russian)
11. Poluyakhtov I. A. Grazhdanskiy oborot imushchestvennykh prav : dis. ... kand. yurid. nauk [Civil turnover of property rights : PhD Thesis]. Ekaterinburg, 2002. 183 p. (In Russian)
12. Regelsberger F. Obshchee uchenie o prave [The General Theory of Law]. Tr. by I. A. Bazanov; Y. S. Gambarov (ed.). Moscow, I. D. Sytin Publishing House. 1897. 240 p. (In Russian)
13. Rogova T. A. Formy i metody pravovogo regulirovaniya organizatsionnykh otnosheniy v sovetskom stroitel'stve : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Forms and methods of the legal regulation of organizational relations in the Soviet construction activities : Abstract of the PhD Thesis]. Moscow, 1976. 21 p. (In Russian)
14. Savatier R. Teoriya obyazatel'stv : yuridicheskiy i ekonomicheskiy ocherk [The theory of obligations : A legal and economic essay]. Tr. and forwarded by R. O. Khalfina. Moscow, Progress Publ., 1972. 440 p. (In Russian)
15. Sulygov M. M. Konstitutsionno-pravovoy rezhim ograniчениya gosudarstvennoy vlasti : dis. ... d-ra yurid. nauk [The constitutional and legal regime of the state power limitation : Doctoral Dissertation]. St. Petersburg, 2005. 389 p. (In Russian)
16. Tyurina S. A. Dogovor kak regul'yator organizatsionnykh otnosheniy v rossiyskom grazhdanskom prave : dis. ... kand. yurid. nauk [A contract as a regulator of organizational relations in Russian civil law : PhD Thesis]. Moscow, 2012. 213 p. (In Russian)
17. Usov V. G. Konstitutsionno-pravovaya zashchita intellektualnoy sobstvennosti v Rossii i zarubezhnykh stranakh (sravnitel'noe-pravovoe issledovanie) : dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional and legal protection of intellectual property in Russia and foreign countries (comparative legal research) : PhD Thesis]. Moscow, 2015. 201 p. (In Russian)
18. Khabrieva T. Ya. Parlamentskoe pravo v sisteme prava Rossiyskoy Federatsii [Parliamentary law in the system of law of the Russian Federation]. Parlamentskoe pravo Rossii [Parliamentary law of Russia]. A. I. Abramova, V. A. Vitushkin, N. A. Vlasenko [et al.]; T.Ya. Khabrieva (ed.). Moscow, State Duma Publishing House, 2013. 400 p. (In Russian)